

Инь Мэйсюэ невольно вздрогнул, его глаза, обычно узкие, как у феникса, стали круглыми:

— Отвали! Держись подальше от меня!

— Какой острый, неудивительно, что тебя на раму посадили.

Богач Чжу не только не отступил, но и потрогал его кожу, похожую на тонкий фарфор, с восхищением сказал:

— Какая белая, даже мягче, чем у женщины. Эх, кто это тебя так отделал, жалко.

— Отпусти!

Инь Мэйсюэ был на грани бешенства, если бы он мог высвободить руки, он бы разорвал этого старого извращенца на части! Но кожаные верёвки только затягивались сильнее, не только не давая ему освободиться, но и почти стирая кожу на запястьях... Под его дрожащими ногами уже образовалась лужа застывшей крови от железных шипов.

Эти отвратительные руки продолжали скользить по его телу, и когда они касались ран, он не мог сдержать дрожь. Инь Мэйсюэ был почти сожжён унижением и гневом, но в глубине души он чувствовал ещё более мучительную боль, чем разрывающая печень и разбивающая сердце.

Линь Чжэнсюань, ты же снаружи, верно?

Почему ты так со мной? Ты так меня ненавидишь!

Кроме тебя, я не хочу, чтобы кто-то другой трогал меня, сволочь...

Этот мерзкий старик уже снял штаны и развернул его.

Инь Мэйсюэ стиснул зубы, закрыл глаза и наконец перестал сопротивляться.

Одна слеза отчаяния упала, с грохотом разбившись в луже крови.

Линь Чжэнсюань, я ненавижу тебя...

Увидев, что он перестал сопротивляться, Богач Чжу чуть не потерял сознание от возбуждения.

Он взял его за тонкую талию и уже собирался приступить к делу, как вдруг почувствовал холод в груди и, опустив взгляд, увидел окровавленный конец меча, торчащий из его груди.

Сзади раздался леденящий голос:

— Ты посмел тронуть моего человека? Жизнь тебе надоела?

Богач Чжу вместе со своим «достоинством» сразу же сник, как сдувшийся шарик, и рухнул на пол.

— Мэйсюэ?

Линь Чжэнсюань подошёл и потряс опущенную голову, только тогда заметив, что тот потерял сознание.

Лицо Инь Мэйсюэ было бледным, его узкие глаза плотно закрыты, на длинных ресницах ещё блестели слёзы, а из уголков тонких губ сочилась алая пена... Это было ужасающе.

Линь Чжэнсюань почувствовал, будто его ударили по голове.

Чёрт возьми, этот дурак что, язык прикусил?!

*

Тысячи огней ночи, тяжёлые туманы вечера,

Дорога, запертая в горах.

Золотой зал в синеве, башни, украшенные красными облаками,

Свечи, застывшие в ночи.

*

Яркие иероглифы «счастья» всё ещё висели на зелёных решётках окон, запах пороха от петард всё ещё витал в воздухе. Утренний ветер пробежал по потёртым каменным ступеням, поднимая разорванные красные ленты, словно всё ещё погружённые в прошлую ночь, как в сон. А на высокой платформе, где свечи превратились в пепел, пара свадебных свечей, украшенных драконами и фениксами, уже сгорела до последней капли.

В Чертоге Жёлтых Источников было темно, холодно и тихо, как всегда. Человек за серебряной занавеской дышал слабо, но всё ещё с лёгкой улыбкой поддразнивал стоящего на коленях здоровяка, отчего у того волосы встали дыбом и пот лился ручьями...

— На этот раз защита снова подвела. Чэдань, какой способ смерти ты предпочитаешь?

Чёрт, этот горшок с дерьмом немного криво поставлен, начальник! Ты сам себя подставил,

когда свою жену «тыкал», так почему я должен быть тут причём?

Кто-то внутри страдал, но молчал. Ведь Чи Юэ ещё не умер, а Хуан Баньшань стоял рядом, как деревянный столб, и этот старик был ничуть не лучше главы секты.

— Подчинённый заслуживает смерти, прошу наказания.

Он повторял это с детства, и это уже стало привычкой.

— Тогда я выберу тебе способ смерти.

Чи Юэ кашлянул.

— С этого дня, Ху Чэдань, ты будешь исполнять обязанности главы секты, все дела внутри секты будут под твоим контролем. Хуан Баньшань назначается старейшиной, чтобы помогать тебе.

Челюсть Ху Чэданя упала.

— Я дам тебе умереть от счастья, как ты?

Лучше уж сразу прикончите меня. Ху Чэдань начал стучать лбом об пол:

— Глава, это невозможно, я не достоин, лучше пусть Хэ Буцзуй займёт эту должность.

— Хм, я тоже думаю, что Хэ Буцзуй больше подходит.

Собеседник погладил подбородок.

Ху Чэдань:

— ...

— Но этот парень куда-то пропал, а остальные ещё хуже, так что придётся тебе.

Ху Чэдань погладил свою раненую душу, слёзы на глазах:

— Подчинённый принимает приказ, я приложу все усилия, чтобы оправдать доверие главы, отдам свою жизнь ради Секты Врат Преисподней. Глава, уходите с миром, я буду вам бумагу жечь, а вы мне сны сниться.

Чи Юэ почувствовал, что если он и не умрёт, то точно сведёт его с ума.

— Ты чушь какую несёшь!

Хуан Баньшань раздражённо сказал.

— Глава с этого дня уходит на лечение, Чертог Жёлтых Источников будет под моим контролем, Ху Чжунцзунь, если что, обращайтесь ко мне.

Ху Чэдань наконец понял, что значит «умереть от счастья». Исполняющий обязанности главы — это пустая должность, задачи увеличились, полномочия уменьшились, а зарплата не изменилась ни на копейку. И если что-то пойдёт не так, его первым выставят виноватым...

Чёрт, действительно, старый лис, лучше бы я настаивал на Хэ Буцзуе! Ху Чэдань, слёзы текли ручьями, сидя на дне ямы, задыхаясь от двух старых лис.

— Чэдань, не отчаивайся, всё к лучшему. Если я действительно не проснусь, ты станешь новым главой Секты Врат Преисподней.

Чи Юэ добавил спокойно.

— Ха-ха, да, а нет! Глава, вы благословлены небом, боги защищают вас, вы обязательно успешно выйдете из затворничества, восстановите былое могущество и будете править цзянху вечно...

Ху Чэдань снова начал стучать лбом, как курица клюёт зерно. Мой прадед, вы даже с постели не можете встать, а всё ещё хотите меня подставить?

— Ладно, ладно, проваливай.

Глава наконец наигрался, махнул рукой, чтобы полуживой Чжунцзунь ушёл.

Когда Ху Чэдань ушёл, Хуан Баньшань вытащил серебряную иглу из его груди, и лицо Чи Юэ сразу же побледнело, он выглядел крайне уставшим.

— Этот человек жаждет власти, гладко говорит, но он не талант.

Чи Юэ вздохнул:

— Глава Секты Врат Преисподней не обязательно должен быть хорошим человеком, но он должен быть способным. Управлять судьбой секты, вести демонов, нужно либо силой, либо умом, Ху Чэдань не лучший выбор, но он сойдёт.

— Ну, а ты что, силой или умом?

Собеседник погладил длинную прядь волос:

— Я обаянием.

Рука Хуан Баньшаня с иглой дрогнула три раза. Он сдержался.

— Слушай, волчонок, использование Великого искусства черепашьего дыхания введёт тебя в состояние ложной смерти, дыхание остановится, кровь будет течь медленнее, это действительно уменьшит нагрузку на сердце и лёгкие. Но если через месяц мы не сможем восстановить твоё сердце... ты уже не вернёшься.

— Это тоже хорошо, я смогу передать Хуан Шу слова учителю.

Чи Юэ слегка улыбнулся.

— Скажу ему, что ты убил его любимые бамбуки.

— ...

Чёрт, кто-нибудь остановите меня? Очень хочется заколоть этого волка!

— Это дело...

Голос Чи Юэ стал тише, как будто он медленно погружался в воду.

— Пожалуйста, Хуан Шу.

— Какое дело? Я забыл.

— ...

Чи Юэ смирился и закрыл глаза.

— Погоди, погоди, не умирай пока. Я вспомнил, но когда я это обещал?

Хуан Баньшань подпрыгнул, раздувая усы.

— Эта девчонка заслужила смерть, я максимум могу гарантировать, что она умрёт без мучений!

— Вторая жена...

— Даже первая жена не поможет!

— Бамбуки...

— Ладно, ладно, ладно. Чёрт, я согласен, согласен, хорошо?!

Старик был полон злости.

— И это называется обаянием? Обаяние, чтобы тебя загубила женщина? Не понимаю, как вы, молодые, думаете.

Чи Юэ почувствовал, как его конечности становятся холодными и онемевшими, сознание постепенно поглощается тьмой, как прилив. В последний момент он задал последний вопрос.

— Если однажды учитель предаст тебя, ты убьёшь его?

Хуан Баньшань замер на месте, долго молчал, пока не убедился, что тот уже в состоянии ложной смерти, и тогда ответил:

— Даже если Чжу Можань ударит меня ножом, я буду волноваться только о том, не поранил ли он руку.

Кто более глуп? Кто более безумен? Кто имеет право судить других?

*

Любовь до боли, чувства до смерти.

Разрушающие сердце, разъедающие кости, до самого конца.

*

Как только коснёшься самого ядовитого зелья в мире, даже умный человек станет дураком. А разница между дураками лишь в том, что один стоит на земле, считая себя трезвым, а другой спит в мечтах, желая быть обманутым...

Будда сказал: «Тот, кто принимает тело в бесконечности, никогда не умрёт, долгая жизнь — это великое испытание в аду бесконечности».

<http://bllate.org/book/15303/1352387>